

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Годъ XXI. — № 8 — 19 Февраля 1906 г.

Въ годъ 52 №№ журнала „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“, 12 книгъ и ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

Подписка ильна на годъ безъ доставки въ Петербургъ 5 р., съ дест. и перес. повсей Россіи 6 р., на пошлота 3 р., на мѣсяцъ 50 к. За границу 10 р. Отдѣльн. №№ 10 к. Освѣщенія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою по 40 коп. за мѣсто, занимаемое одною строчкою коннрх. въ 2 1/2 ширины страницъ

Подписка принимается въ главной конторѣ „Русскаго Паломника“ — С.-Петербургъ, Стрѣмянная, № 12, собств. дома. Городскіе обращаются въ отдѣльные конторы: Невскій просп., д. № 96, утолъ Надеждинской. Каждый новый подписчикъ получаетъ въ уже вышедшіе въ 1906 году номера журнала со вѣсьми приложениями. За перемѣну адреса городскаго на иногородній, или иногородняго на городскую, взымается 50 коп. — городскаго на городскую или иногородняго на иногородній — 20 к. Необходимо прилагать прежній печатный адресъ „Русскій Паломникъ“ одобренъ вѣсьми вѣдомствами.

Св. мученикъ Рласій Севастійскій.
(Рисунокъ С. Кіевскаго. — Къ стр. 116).

Уроки вѣры и благочестія.

Грѣхъ явный и грѣхъ тайный.

Какой грѣхъ преступнѣе: явный или тайный?

Отвѣтить на этотъ вопросъ, кажется, не такъ-то просто. Великъ тайный грѣхъ, но онъ часто говоритъ, что въ душѣ грѣшника еще довольно ярко свѣтитъ искра Божества, опаляющая совѣсть и заставляющая грѣшника стыдиться своихъ поступковъ. А явный грѣхъ можетъ говорить о томъ, что грѣшникъ не только не чувствуетъ никакихъ упреконъ совѣсти, но и самоуслаждается своими гнусностями.

Какъ же можно самоуслаждаться грѣхомъ? Возможно ли это?

Возможно. Только нужно сказать точнѣе: грѣхъ самоуслаждается грѣшникомъ, какъ своей жертвой. Вопреки желаніямъ и лучшимъ намѣреніямъ человѣка, будто на зло его покаянію, грѣхъ беретъ его въ свою власть, низвергаетъ его съ одной степени разврата на другую, пока, наконецъ, несчастный совѣмъ не падетъ въ своемъ безсиліи. А грѣшникъ думаетъ, что онъ властелинъ своихъ желаній и поступковъ, и не только не стремится къ покаянію, но и кичится грѣхомъ, не чувствуя того, что онъ не господинъ надъ грѣхомъ, а рабъ его. Съ гордой надменностью онъ одинаково осуждаетъ и добродѣтеля, и смиренную, мягущуюся совѣсть, считая и то, и другое признакомъ слабости, трусости или суевѣрія. И ожесточается до того, что рѣшительно теряетъ всякое различіе добра и зла, выбирая между тѣмъ и другимъ лишь то, что удовлетворяетъ его похоти—„похоти плоти, похоти очей, гордости житейской“ (1 Иоан. II. 16).

Такой грѣшникъ гнуснѣе, чѣмъ грѣшникъ тайный—стыдливый, сокрушающійся и скрывающійся отъ взора человѣческаго. Онъ грѣшнѣе уже по одному тому, что служитъ величайшимъ соблазномъ для слабыхъ въ добродѣтели, увлекаая ихъ за собой въ пучину погибели. Грѣшникъ тайный большею частью (но, конечно, не всегда) отравляетъ только свою душу, грѣшникъ явный—и душа тѣхъ людей, которые съ нимъ соприкасаются. Вотъ почему „тайно содѣянное тайно и судится“.

Но эти степени грѣховности совершенно измѣняются, если взглянуть на грѣхъ съ другой стороны. Грѣшникъ явный осуждается всею свѣтомъ; въ случаѣ нарушенія гражданскихъ законовъ подвергается наказанію; тернитъ позоръ передъ общественнымъ мнѣніемъ; онъ знаетъ, что лучшіе люди презираютъ его, что никто его не любитъ и не уважаетъ; многіе изъ его же круга знакомыхъ удаляются и избѣгаютъ его, чтобы не раздѣлять съ нимъ его стыда и позора; верѣдко онъ считается уже „извергомъ“ человѣческаго рода, и если такъ ужъ низко упалъ, что превозносится своимъ паденіемъ, то становится предметомъ омерзѣнія и отвращенія. Такимъ образомъ, онъ уже карается, за свой грѣхъ несетъ наказаніе.

А грѣшникъ тайный живетъ въ почетъ и славу и превозносится за свои добродѣтели! Неужели-жь и въ глазахъ Божіихъ онъ выше и совершеннѣе, чѣмъ грѣшникъ явный и открытый?!

Взгляните на пьяницу, когда его вытаскиваютъ изъ грязи. Взгляните на развратника, какъ истощились его силы. Взгляните на скупца, какъ холодны къ нему его бывшіе друзья, какъ онъ несчастенъ, отверженъ, презрѣненъ. Взгляните на разбойника, какъ онъ тащитъ цѣпи и блѣдибеть въ ожиданіи смертнаго приговора. Взгляните на лгуна, какъ онъ старается придать себѣ серьезность и какъ ему никто не вѣритъ. Взгляните на гордеца, какъ его высокомеріе вызываетъ насмѣшки и сожалѣніе. Неужели же эти люди, не скрывающіе своихъ пороковъ, презрѣннѣе грѣшниковъ скрытыхъ? Тѣхъ, которые къ своей низости присоединяютъ еще наглость обманщика всехъ честныхъ и добрыхъ людей и, выдавая себя за лучшихъ, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, продолжаютъ свои преступленія?

Отъ преступника явнаго можно остеречься,—можно его отдалить, либо прогнать. Но беззаконникъ скрытый надѣваетъ на себя маску тѣхъ добродѣтелей, которыми втайнѣ измѣняетъ. Онъ вкрадывается въ довѣріе простыхъ душъ и отравляетъ ихъ своими разговорами, оставаясь въ то же время у нихъ въ почтеніи, между тѣмъ какъ заслуживаетъ проклятія. Вотъ расхититель государственной казны, обманщикъ вдовъ и сиротъ; ему оказываютъ уваженіе, считая человекомъ честнымъ, между тѣмъ какъ онъ достоинъ публичнаго наказанія. А вотъ ростовщикъ, который втайнѣ прятѣняетъ бѣдныхъ, а наружно выказываетъ себя за святого; прелюбодѣй, который распинается за правду, безпрестанно проповѣдуетъ нравственность, а самъ своимъ распутствомъ нарушаетъ спокойствіе семействъ, сплетникъ, который въ одномъ мѣстѣ льститъ, а въ другомъ чернитъ, изъ видовъ своей ненависти, зависти, губельной надменности, ссоритъ родныхъ, сосѣдей и гражданъ и, между тѣмъ, хочетъ слыть человекомъ честнымъ. Тамъ вдали стоитъ юноша, котораго нежные родители еще сегодня осыпали своими ласками, между тѣмъ какъ онъ лишился уже своей невинности, уловленный сѣтью тайныхъ пороковъ. Такъ неужели злодѣй, впавшій въ явные преступленія, достоинъ большаго презрѣнія, чѣмъ эти скрытные беззаконники, отъ которыхъ никто не можетъ остеречься, потому что они скрываютъ свою развратность подъ личиною чести и добродѣтели?

Они еще имѣютъ власть надъ собою, управляютъ своими страстями и постыдными привычками до того, что не допускаютъ имъ обнаружиться. Они беззаконничаютъ, вполне сознавая свои беззаконія; совершаютъ дѣла тьмы—съ тонкою обдуманностію. Поистинѣ, предъ очами вѣчнаго Правосудія они еще гораздо виновнѣе тѣхъ несчастныхъ, которые, въ опьяненіи своихъ чувствъ, беспальны укротить свои страсти.

Узнай же себя, тайный беззаконникъ, и ужаснись

...и въ тебѣ останется еще столько совѣсти, чтобы различить, что достойно и что недостойно человека! Узнай себя, изломанный сквернитель чужой чести, почитатель чужой собственности, нарушитель чужихъ правъ, лукавый себялюбецъ, любящій копать ямы другимъ! Узнай себя, ядовитый клеветникъ, улыбающійся теми же самыми устами предъ оклеветаннымъ тобою, которыми незадолго терзалъ предъ другими его доброе имя!

Поистинѣ, твой тайный грѣхъ опаснѣе явнаго беззаконія.

Ты опасенъ не столько другимъ, сколько себѣ самому. Таковы послѣдствія твоего притворства. Тебѣ никто не можетъ подать совѣта, пока ты скрываешь свои сердца твоего отъ взоровъ другихъ; никто не можетъ помогать до самаго паденія твоего въ пропасть, скрытую твоими пороками. Твоя скрытность способствуетъ тебѣ лишь болѣе въ беззаконіяхъ. Законность лишь болѣе портитъ твое чувство. Твоя нагуба лишь скорѣе даетъ тебѣ созрѣть для ужасной развязки той пьесы, которую ты столь искусно разыгрываешь.

Ты уже и наказанъ—ты уже чувствуешь адъ, возгорающійся въ груди твоей,—да, твое несчастіе уже соразмѣрно величинѣ твоего беззаконія, но бѣдствіе гораздо еще большее ждетъ тебя впереди! Оно постигнетъ тебя явно, въ остереженіе другихъ. Но ты, молотъ статься, говоришь про себя: „Я отнюдь никакого несчастія еще не чувствую, ни о какомъ адѣ въ груди моей не знаю“. Какъ? А зачѣмъ же тогда скрывать тебѣ свои грѣхи? Стало быть, ты чувствуешь гнусность твоихъ поступковъ! Когда бы твои дѣянія были честны и чисты, сталъ ли бы ты прикрывать ихъ, искать убѣжища въ темнотѣ?

Для чего ты такъ тщательно скрываешь свои беззаконія? Страшишься наказанія? Друзья тебя оставятъ? Презрять тебѣ, чьею благосклонностію ты дорожишь? Такъ вотъ уже и мстителъ въ груди твоей: онъ называется страхъ. И ты не напрасно безпокоишься; ибо что посеешь то и пожнешь.

Въ чемъ бы и предъ кѣмъ бы ты ни согрѣшилъ, все обратится опять на твою голову. Всякая оскорбленная честь, всякое нарушенное право, всякая несправедливо захваченная собственность найдутъ своего обвинителя и судію. Не думай, будто твоя хитрость безвредно отводитъ отъ тебя каждую будущую грозу. Будетъ болѣе лукавый, который перехитритъ тебя; и ты падешь, уже ослабленный своею совѣстью. Не надѣйся, что твоя знатность, твое вліяніе спасетъ тебя; можетъ возстать болѣе мощный. Впрочемъ, самая существеннѣйшая изъ человѣческихъ властей есть общественное мнѣніе; оно ослабляетъ силы военныя, истребляетъ сильныхъ земли, запятнанныхъ преступленіями. Смотри же—люди раскроютъ все твои тайныя противъ нихъ замыслы и отомстятъ тебѣ за нихъ явно. Не надѣйся на ихъ прощеніе: сорвать личину и наказаніе зловреднаго есть долгъ друзей человѣчества. Не

люби себя, будто ты всегда можешь укрываться отъ нихъ: оскорбленные памятны, и мщеніе ихъ не умираетъ до гроба.

Если ты грѣшишь противъ себя самого, противъ твоего тѣла, въ томъ ты самъ и твое тѣло обличаетъ тебя предъ свѣтомъ. Тайное беззаконіе выкажется въ твоемъ разстроенномъ здоровьѣ. Смотри на болѣзненныхъ, убитыхъ, рано увядающихъ потомковъ твоихъ, ты будешь сокрушаться. Остальное поприще твоей жизни и самая могила порастутъ терніями. Неужели ты думаешь, одинъ остаться между смертными, котораго не коснутся худыя послѣдствія худыхъ дѣлъ? Одинъ быть исключеніемъ изъ вѣчныхъ законовъ Мироздателя, начертаннаго ихъ въ сердцахъ человѣческихъ? Твое собственное убѣжденіе, твоя совѣсть говорятъ тебѣ: такъ не бываетъ въ мірѣ. Есть и нѣкоторыя ужасныя истинны, которыхъ не заглушишь виномъ, не усыпишь на шелковыхъ подушкахъ, отъ которыхъ не отыграешься шутками. Онѣ живучи, упорны, безпрестанно возвращаются и въ грозномъ видѣ предстаютъ сильнымъ земли въ позлащенныхъ чертогахъ ихъ, равно какъ и подъ мрачными сводами заклеяннымъ преступникамъ.

Оставь же, скрытный грѣшникъ, все то, чего ты стыдишься при другихъ! Откажись отъ нечистыхъ намѣреній, которыя самому тебѣ не нравятся. Сбрось съ себя ярмо страстей, поработающихъ тебя грѣху, дѣлающихъ злодѣемъ. Сдѣлалъ ли ты кому-нибудь вредъ тайно—спѣши исправить его, какъ только можешь: это будетъ надоело утѣшать твое сердце. Обманулъ ли кого-нибудь—спѣши остановить худыя послѣдствія, возмѣсти зло добромъ. Оскорбилъ ли кого—спѣши примириться, не на однихъ словахъ, но на дѣлѣ. Захватилъ ли несправедно чужую собственность—отдай назадъ: тебѣ она въ прокъ не пойдетъ. Не увлекайся никогда ложнымъ честолюбіемъ: оно прикрываетъ только зло, а не исцѣляетъ. Не удерживайся и ложнымъ стыдомъ, хотя бы даже насмѣшники стали издѣваться надъ твоею перемѣною. Высокое чувство собственного, возвращеннаго тобою достоинства поставитъ тебя выше всякихъ насмѣшекъ. И тогда ты великодушно простишь своимъ насмѣшникамъ, хотя бы они стали пренебрегать тобою.

О, какъ блаженъ, кто можетъ безъ всякаго страха и стыда являться предъ людьми и звать къ Богу отъ сердца, исполненнаго любви: „испытай сердце мое; отъ мыслей моихъ не отступаютъ уста мои“ (Пс. XVI. 31). Конечно, предъ очами Твоими нѣтъ никого совершенно чистаго. Кто устоитъ, если ты войдешь въ судъ съ нами? Но Ты милосердъ къ намъ, Преблагій, Ты вѣдаешь слабость нашу. Подай же силу для одоленія моихъ худыхъ наклонностей, да восторжествую надъ ними и да исправлю все мои желанія по Твоей святой волѣ.

Иеромонахъ **Веокистъ**.

Св. Власій Севастійскій.

(Память 11 февраля).

А мѣстѣ нынѣшняго Сиваша, въ ста верстахъ отъ Токата, еще въ первые вѣка христіанства стоялъ городъ Севастія. Жители этого города въ тѣ времена были большею частью христіане, ревностно слѣдовавшіе завѣтамъ Господа. Во главѣ ихъ въ царствованіе Діоклетіана стоялъ епископъ по имени Власій.

Дѣтство, отрочество и зрѣлые годы мужества Власія были отмѣчены духомъ необычайной кротости. Преданіе разсказываетъ, что лицо мальчика-Власія было всегда такъ чисто и спокойно, и свѣтло, что всѣ видѣвшіе его невольно изумлялись, а находившіеся во враждѣ нерѣдко искали его общества и въ его присутствіи находили себѣ спокойствіе и примиреніе.

И уже съ дѣтства всѣ замѣтили, какъ особенно, не по-дѣтски Власій любилъ и жалѣлъ животныхъ, и многіе жестоко обращающіеся со скотами не разъ были останавливаемы всегда кроткимъ, но въ такія минуты глубоко возмущеннымъ мальчикомъ.

Выросталъ Власій и все болѣе и болѣе укрѣплялся въ страхѣ Божіемъ и дѣланіи правды. И когда онъ достигъ старости, то былъ единогласно избранъ епископомъ Севастіи. Паству свою онъ держалъ въ повиновеніи волѣ Божіей и благоговѣніи къ высокимъ завѣтамъ христіанства. И язычники, жители Севастіи, не могли не воздавать тогда должной дани христіанской добродѣтели, всегда проявлявшейся въ поведеніи ихъ согражданъ, руководимыхъ Власіемъ. Миръ и тишина тогда царили въ той области, и сыны Агари жили радомъ съ сынами Сарры...

Но вотъ христіанъ постигло испытаніе: настало гоненіе, возбужденное Діоклетіаномъ противъ послѣдователей Распятаго. Власій утѣшалъ гонимыхъ, посѣщалъ заключенныхъ въ темницѣ, увѣщевалъ страдающихъ твердо переносить испытанія. Такія архипастырскія заботы Власія имѣли свои результаты: многіе въ это время приняли мученичeskій вѣнецъ. Добрый епископъ являлся ходатаемъ предъ правительствомъ за своихъ пасомыхъ, но скоро и его спокойствію стала угрожать опасность. Власій сталъ готовиться и самъ принять мученичeskій вѣнецъ, но потомъ, по указанію свыше, оставилъ Севастію и скрылся въ пустынной горѣ Аргеосъ (нынѣ Гяуръ-тагъ) и тамъ въ пещерѣ проводилъ безмолвную жизнь въ молитвѣ и постахъ.

Отсюда старецъ-епископъ руководилъ своими пасомыми и въ наступившее затѣмъ гоненіе Ликинія. Здѣсь же, въ пустынѣ, съ особенной наглядностью, по словамъ преданія, сказалась характерная черта св. Власія—любовь и жалость къ звѣрямъ. Одиночество пустынника раздѣляли дикіе звѣри, и эти звѣри,—говоритъ преданіе,—приходили къ святому за благословеніемъ. Эти трогательныя картины наблюдали лишь пустыня безмолвная да мерцавшія вдали глубокія и далекія зѣбаны...

Когда Власій жилъ въ Севастіи, его молитвъ нерѣдко просили жители, когда у нихъ случалось какое-нибудь несчастье со скотомъ. Тогда слава его, какъ цѣлителя животныхъ, слава, выросшая изъ его любви и состраданія къ бѣднымъ тварямъ, широко распространилась кругомъ. И слава эта не оставила св. Власія и тогда, когда онъ удалился въ пустыню. Нерѣдко можно было видѣть, какъ, преодолевая мучительный страхъ, сковывавшій члены при видѣ звѣрей, толпившихся у пещеры преподобнаго, шли жители далекихъ окрестностей къ святому, вели бѣдныхъ больныхъ лошадей, муловъ, другихъ домашнихъ животныхъ,—и стихали у низшихъ тварей муки и уходили они отсюда здоровыми помощниками своихъ хозяевъ. Бывало и такъ, что разбойникъ-бедуинъ находилъ помощь у святого, когда лишался вѣрнаго друга-помощника, и картину рѣдкихъ встрѣчъ и рѣдкаго милосердія наблюдали лишь чарующая ночь да звѣри дикіе, которые никогда не трогали посѣтителей преподобнаго.

По повелѣнію воеводы севастійскаго Агриколая воины отправились въ пустыню, чтобы поймать дикихъ звѣрей, предназначавшихся для растерзанія христіанъ. Въ пустынѣ они были поражены невиданнымъ зрѣлищемъ: окруженный дикими звѣрями, стоялъ старикъ, въ которомъ они сразу узнали севастійскаго епископа. Воины, пораженные этимъ, убѣжали обратно, но, по повелѣнію Агриколая, который давно разыскивалъ Власія, возвратились, чтобы взять преподобнаго.

— Пойдемъ, дѣти мои!—отвѣтилъ онъ кротко,—Господь мой Іисусъ Христосъ да будетъ съ вами...

Возлѣ самой Севастіи, по преданію, подошла къ Власію бѣдная вдова и со слезами жаловалась, что волкъ взялъ у нея послѣдняго поросенка.

— Не скорби и не плачь,—отвѣтилъ святой,—твое будетъ возвращено тебѣ цѣлымъ и невредимымъ.

По прибытіи въ Севастію Власій, послѣ безплодныхъ убѣжденій со стороны язычниковъ покинуть вѣру, былъ брошенъ въ темницу, изъ которой вышелъ уже потомъ, чтобы принять мученичeskій вѣнецъ.

И вотъ, когда святой находился въ темницѣ, туда явилась упомянутая вдова и просила у тюремщика позволенія видѣть Власія. Когда ей это разрѣшили, она вошла къ святому, припала къ его ногамъ и просила принять приношеніе. Оказалось слѣдующее: волкъ приближалъ къ вдовицѣ съ поросенкомъ въ зубахъ и пустилъ ее предъ нею живымъ и цѣлымъ, самъ же бѣжалъ въ пустыню. Тогда вдова въ благодарность Власію, о страданіяхъ котораго она услышала, заколола своего поросенка и, сваривъ голову и ноги его, положила на блюдо, взяла также сѣмянъ, плодовъ и овощей, какія имѣла, и, положивши все это въ корзину, отправилась къ святому, чтобы просить его принять это посильное приношеніе.

Св. Власій былъ тронутъ до глубины души такимъ выраженіемъ чувствъ вдовы, и мысль объ этомъ еще болѣе укрѣпила его на великій подвигъ мученич-

„Помни последняя твоя“.

Человек — какъ трава, дни его,
Какъ цвѣты на поляхъ, отцвѣтутъ.
Нынче живъ, половъ силъ и надеждъ,
Завтра вѣчную память поютъ...
Кто казался всеильнымъ тобѣ,
Передъ кѣмъ ты вчера трепеталъ, —
Тихо грозныя очи смежилъ,
Горстью праха въ мгновение сталъ...
И могучій владыка, и рабъ
Часа страшнаго не избѣгутъ:
Онъ пробѣгъ — и одежды души,
Какъ трава подъ косой, падутъ...
Смертный! Помни грозащій сей часъ!
Помни: глѣбень земной твой покровъ
Вышей жизнию духа живи —
Будь къ безсмертью всечасно готовъ!

П. Морозовъ.

Е. Ситникова

ства, который онъ и принялъ затѣмъ 11 февраля около 316 года, въ царствованіе Ликинія.

Св. Власій издавна весьма глубоко уважается и въ русскомъ народѣ; день его памяти во многихъ мѣстахъ чествуется, какъ важный церковно-народный праздникъ. Русский народъ смотритъ на священномученика Власія, какъ на покровителя домашняго скота. На старинныхъ иконахъ святой изображается окруженнымъ лошадьми и рогатымъ скотомъ. Въ древности предки наши устраивали даже предѣлы и часовни во имя этого преподобнаго. А въ Новгородѣ, напримѣръ, донынѣ существуетъ такой обычай: въ день памяти этого угодника приносятъ въ храмъ его имени коровье масло и кладутъ его подь образомъ святого.

Р. И. Тимохинъ.

На распутьѣ.

УДА идти? Дорога развѣтвилась,
Нѣтъ указателя, какъ къ цѣли добрести.
И сердце трепетно въ груди моей забилось:
Не опоздать, не сбиться бы съ пути!

Дойти я долженъ: цѣль моя благая,
Очу я жить, чтобъ пользу принести...
О, странствующихъ Матерь Пресвятая,
Мой трудный путь любовью освѣти!

М. Карауловъ.

Простыя рѣчи.

III.

НИ не знали".
Это былъ умный, вѣрный, но очень обидный для насъ упрекъ писателя-француза въ прошлую несчастную войну съ японцами.

Мы не знали своихъ противниковъ, не знали ихъ боевыхъ силъ, не знали ихъ матеріальныхъ средствъ, не знали ихъ настроенія.

Само собою разумѣется, что, при такомъ положеніи дѣлъ, вся война представляла рядъ неожиданностей, постоянныхъ ошибокъ и крупныхъ неудачъ.

Если суровые опыты исторіи не будутъ насъ учить, дѣло пропало. Надо научиться ожидать, предвидѣть и готовиться. А поэтому прежде всего надо точно и безъ всякихъ самообмановъ подсчитать все, что имѣется въ наличности, какихъ можно ждать новыхъ тревогъ и осложненій, на что можно рассчитывать на черный день.

Это мудрость всякаго хозяйства и хозяйства. И это вѣрно не только въ денежныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, но и въ дѣлахъ мысли и совѣсти, въ дѣлахъ церкви и государства, въ дѣлахъ общества и народа.

И здѣсь больше всего и прежде всего надо бояться самообмана.

Приходится сознаться, что обидная для насъ укоризна французскаго писателя открыла еще не всю

горькую правду. Онъ имѣлъ бы право сказать, что „они не знали“ не только своихъ противниковъ, но они и самихъ-то себя не знали, не знали, что у нихъ есть на самомъ дѣлѣ и чего у нихъ нѣтъ, хотя и защищено въ разчетной книжкѣ.

Была вѣра въ церковь, такую церковь, которая болѣе или менѣе соответствовала вѣчнымъ завѣтамъ Христовой правды, представляеть изъ себя живое и одухотворенное тѣло Христово, крѣпкій и стройный организмъ, въ которомъ всѣ части работаютъ для общей цѣли въ дѣлѣ братскаго общенія. Пусть нѣкоторыя винтики расшатались, пусть нѣкоторыя колеса требуютъ починки, но самый остовъ машинъ цѣлъ и крѣпокъ и можетъ продержаться еще долго.

Но вдругъ черные дни и неожиданныя обстоятельства потребовали отъ этого организма усиленной и напряженной работы, — такой работы, которая въ сущности всегда отъ него требуется, какия бы событія ни совершались, — какой требуетъ каждый правильный рабочей день.

И пришлось вспомнить грозное предостереженіе покойнаго Ф. М. Достоевскаго, что „церковь наша — въ параличѣ“.

Правда ли это?

На первыхъ порахъ, въ первыхъ своихъ словахъ и поступкахъ правящая церковь обнаружила нѣкоторое шатаніе мысли, отсутствіе полнаго единомыслія и единодушія по самымъ существеннымъ сторонамъ общественной и государственной жизни. Оказалось вопросомъ то, что казалось окончательно рѣшеннымъ въ вѣкахъ и на вѣка. Голоса раздались на тѣхъ высотахъ и вершинахъ церковной жизни, гдѣ раздѣленіе такъ опасно и губительно.

Если и здѣсь мы сознательно и разумно не сведемъ концы съ концами, не придемъ къ общему соглашенію, не найдемъ одной общей и руководящей мысли, — церковь, какъ собраніе и общеніе вѣрующихъ, распалится, и вѣтеръ разнесетъ въ разныя стороны легкую пыль общаго разъединенія.

Гдѣ же почва для общаго дѣла? Въ чемъ главный статьи общаго соглашенія вѣрующихъ? Началась ли эта неотложная работа?

А время не терпитъ, и откладывать начало работы нельзя.

Была у насъ вѣра въ духовенство, какъ въ сословіе, замкнутое сословіе, почти касту, у которой были свои вѣковыя преданія, свое опредѣленное мировоззрѣніе, свой и своеобразный бытъ. Уже много лѣтъ и въ разнообразныхъ формахъ существуютъ съѣзды духовенства, установилось рѣшеніе дѣлъ при совместной работѣ выборныхъ представителей епархіальнаго духовенства. Пусть въ устройствѣ этихъ съѣздовъ были свои недочеты, пусть собранія представителей духовенства не имѣли, можетъ быть, полной свободы прѣобсужденія своихъ и церковныхъ нуждъ, — но съѣзды и собранія были.

Гдѣ же плоды этихъ съѣздовъ и собраний? Гдѣ и когда мы слышали голосъ духовенства, какъ духовенства, какъ авторитетный и убѣжденный голосъ не отдельныхъ лицъ, не одинокихъ душъ, а какъ работниковъ на Божьей нивѣ, преданныхъ одному дѣлу, вынужденныхъ считаться съ одинаковыми временными условиями своей пастырской дѣятельности?

Вѣдь пастырское дѣло не такое дѣло, которое каждый отъ альфы до омеги можетъ вести на свой личный страхъ.

Говорятъ, часто и много говорятъ о какой-то розни между правящею церковью и духовенствомъ, городскимъ и сельскимъ. Въ чемъ же эта рознь? Указана ли она съ достаточной опредѣленностью? Если внимательно прислушаться къ отдельнымъ голосамъ въ печати и обществѣ, все дѣло чаще всего сводится къ спору изъ-за власти, изъ-за административнаго устройства церковной іерархіи, изъ-за вышшняго распорядка церковныхъ дѣлъ.

А есть ли рознь по существу? По пониманію правды Христовой—не въ догматическихъ опредѣленіяхъ, а въ ея практическомъ примѣненіи къ жизни, въ формахъ и задачахъ пастырскаго служенія? Мы часто видимъ въ отдельныхъ заявленіяхъ отдельныхъ представителей духовенства голосъ евангельской Марфы, которая хлопочетъ о многомъ. Отчего же молчитъ евангельская Марія о томъ, что „единое на потребу?“

Идутъ рѣчи о духовенствѣ, какъ сословіи. Гдѣ же самосознаніе этого сословія, его формы и границы, его цѣли и его дороги, его отвѣды на укору и обличенія?

Духовенство молчитъ. Какъ противъ духовенства, такъ и за духовенство говорятъ только отдельные лица изъ духовенства, причемъ ихъ одинокій голосъ не имѣетъ конечно, обязательнаго значенія для всего духовенства.

Была вѣра въ приходъ, въ духовное общеніе пастыря съ пасомыми, въ слитность и согласіе каждой церковной общины. Нѣкоторые вышніе признаки христіанскаго прихода оставались. Больше, конечно, въ селахъ, чѣмъ въ городахъ. Въ городахъ приходская жизнь какъ-то замирала, даже въ своихъ вышнихъ проявленіяхъ. Въ селахъ постройка и украшеніе церквей, выборы церковнаго старосты, дѣятельность церковнаго попечительства все-же имѣла больше значенія для населенія.

Но что слышно о духовномъ общеніи въ нѣдрахъ прихода, объ единомысліи пастыря съ паствой въ вопросахъ общественныхъ и житейскихъ? Идетъ ли стадо на голосъ пастыря, и не идутъ ли овцы иногда по разнымъ дорогамъ? Какъ въ практической области разрѣшаются эти спорные вопросы, которые, оставаясь спорными, отнимаютъ изъ-подъ ногъ прихода и общины всякую твердую почву?

Изъ вѣхъ поставленныхъ вопросовъ церковной жизни это, быть можетъ, самый существенный и важный. Если такъ или иначе удастся его разрѣшить, будутъ

предрѣшены все вопросы.—повидному, вышшаго порядка, такъ какъ они касаются учащей и правящей части церкви,—на самомъ дѣлѣ подчиненные общему вопросу о внутреннемъ порядкѣ ячейки христіанской жизни—общины и прихода.

Пока, какъ принято говорить, „на очереди стоять“ вышніе признаки и формы вышней церковной жизни. Весь вопросъ въ томъ, при какихъ условіяхъ они могутъ наполниться внутреннимъ содержаніемъ, духомъ жизни и жизнью духа?

Въ предъидущемъ отрывкѣ „Простыхъ рѣчей“ я говорилъ объ участіи духовенства въ политической жизни страны, о началахъ его общественнаго служенія. Мнѣ думается, что поставленные сегодня вопросы стоятъ въ тѣсной и неразрывной связи съ первыми. Чего же ждать отъ ближайшаго будущаго и какъ приниматься за общую работу? **Олегъ.**

Ночью.

ТРУДНАЯ лунная ночь...
Трудно мнѣ сонъ преносмочь,
А не хотѣлось бы спать:
Въ эту волшебную ночь
Все бы мечтать да мечтать!

Вонъ заблестѣла звѣзда...
Въ даль голубую туда
Радъ бы умчаться я самъ...
Духъ мой! Ужель никогда
Ты не взлетишь къ небесамъ?..

Викторъ Коломенскій.

Какъ помочь нищетѣ и горю?

КАЖДЫЙ изъ насъ ежедневно встрѣчаетъ бѣдняковъ-нищихъ, протягивающихъ руку помощи; проникается иногда чувствомъ заслуженнаго состраданія и оказываетъ подаваніе во имя Христа, во имя челоуѣколюбія. Но участь этихъ „ходячихъ, профессиональных“ попрошайекъ—ничто въ сравненіи съ невыразимо-тяжкой долей тѣхъ несчастныхъ и „обремененныхъ“, которые почему бы то ни было не поддаются вамъ на глаза. Попробуйте спуститься въ сырые, мрачные нивы, глухіе подземелья и подвалы, подняться на шестой, седьмой, а иногда и выше, этажъ, въ темные, холодные чуланы чердаковъ, заглянуть въ полуразвалившіяся лачуги далекихъ окраинъ города, а то и просто въ полусгнившіе забытые разныя амбары и дворы,—сколько тамъ вы найдете этого несчастнаго, обездоленнаго люда, сколько повсюду увидите горя неизякаемаго, слезъ неисчерпаемыхъ, сколько услышите душу раздирающихъ стоновъ и плача, обезсилѣвшихъ въ борьбѣ за уголь и кусокъ хлѣба женщинъ и дѣтей—„несчастныхъ жертвъ ожесточеннаго рока“! Вы почувствуете въ особомъ мірѣ, гдѣ вокругъ и

ЗАЩИТНИКИ СВЯТО-ТРОИЦКО

(Сх. картина В. П. Пер...

ПЕЧОРСКОЙ ЛАВРЫ ВЪ 1608 ГОДУ.
[Съездъ: „Осажденная обитель“]

около насъ только и раздаются терзанія и вопли голодныхъ желудковъ, гдѣ ни на одномъ лицѣ вы не прочтете хоть относительнаго довольства, сытости или покоя, гдѣ только властно веюду парить „скорбь лютая“, мракъ и грязь невѣжества и нищеты, физическія страданія обносившихся полусытыхъ людей, — гдѣ, словомъ, во всѣхъ видахъ и степеняхъ вы застанете нужду, и нужду безпросвѣтную! Тамъ семья при четверныхъ малыхъ дѣтяхъ, лишившись кормильца отца, едва не умираетъ съ голода: меньшому немного больше года, а бользенная, малокровная мать не въ состояніи „мойкой бѣлья“ отапливать, оплачивать сырой уголь и прокармливать себя и „дармоѣдовъ“, изъ которыхъ старшей девяти годокъ. Другая семья: ея кормилица живетъ поденной работой — жена пьяницы и буяна мужа; на ея хлѣбахъ мать ея, слѣпая старушка, двое малыхъ ребятишекъ. Еще: шестеро дѣтокъ; двое старшихъ, восьми и девяти лѣтъ, посылаются „въ куски“ для поддержки малыхъ четырехъ; отецъ и мать черноработчіе, жизни оба трезвой, но „нѣтъ заработковъ въ черной этотъ годъ, по недѣлѣ горячаго во рту не бываетъ, такъ вотъ смерти не тому, такъ другому со дня на день ждуть“; двое меньшихъ, одинъ — двухъ лѣтъ, больны, лежатъ въ кровати. Отъ голода и холода, нужно полагать. И такихъ картинъ не оберешься, какъ здѣсь въ столицѣ, гдѣ рядомъ роскошныя яства и питія не вмѣщаютъ столы богачей, такъ и по деревнямъ, городамъ и селамъ!

Какъ же помочь всей этой нищетѣ, не рискуя содѣйствовать развитію тунеядства, т. е. желанія жить на чужой счетъ? Вопросъ очень серьезный, но едва ли онъ можетъ удерживать „дающую руку“ отъ дѣлъ благотворительности, уже по одному тому, что у насъ есть Общество, которое уже болѣе столѣтія идетъ по вѣрному пути, заботясь объ удовлетвореніи дѣйствительной нужды бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ, безпріютныхъ и проч.

Блаженной памяти Императоръ Александръ I этихъ именно людей и имѣлъ въ виду, когда, учреждая въ 1802 году Императорское Человѣколюбивое Общество, писалъ, между прочимъ, первому его предсѣдателю камергеру Витовту:

...Растроганнымъ быть наружнымъ и весьма обманчивымъ видомъ нищеты и убожества не есть еще благодѣяніе... Надлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ и въ сей обители плача и страданія... всѣми нравственными и физическими способами стараться облегчать судьбу ихъ; вотъ въ чемъ состоитъ истинное благодѣяніе“.

Императорское Человѣколюбивое Общество вотъ уже второе столѣтіе неуклонно слѣдуетъ великимъ завѣтамъ своего перваго покровителя, имѣя въ своемъ вѣдѣніи 241 благотворительное учрежденіе; изъ нихъ только къ двухъ столицахъ 141, въ томъ числѣ и институтъ для слѣпыхъ, и гимназіи, и училища, и разныя профессиональныя школы, пріюты, мастерскія

для дѣвочекъ и мальчиковъ и пріюги для грудныхъ дѣтей, калѣкъ и малолѣтнихъ, дома призрѣнія для престарѣлыхъ бѣдныхъ женщинъ и пріюты для взрослыхъ слѣпыхъ дѣвицъ, разныя лечебницы и столовые и много другихъ воспитательныхъ, богадѣльныхъ, медицинскихъ заведеній и учреждений. Не были забыты Обществомъ и бѣдные страдальцы несчастной русско-японской войны изъ разныхъ губерній: болѣе 2000 человекъ помѣщавшихся въ Петербургскихъ госпиталяхъ, получили въ минувшемъ году разныя теплыя вещи, приобретенныя на средства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Не мало нужно капитала на содержаніе всѣхъ учреждений Общества; не мало и человѣческой энергіи и труда. Вотъ почему Высочайше разрѣшено въ воздаяніе заслугъ лицамъ *всѣмъ* безъ различія пола, сословія, состоянія, вѣроисповѣданія, принимающимъ участіе въ дѣятельности Общества трудами или денежными взносами, даровать особыя права, чины и нагрудные знаки.

Для лицъ мужского пола знакъ этотъ состоитъ изъ инициаловъ „И. Ч. О.“, помѣщенныхъ подъ императорскою короной въ овалѣ изъ лавровыхъ и дубовыхъ листьевъ, перевитыхъ лентой лиловой эмали; носится на правой сторонѣ груди. Для женскаго — красивый бѣлый металлическій крестъ съ изображеніемъ Пресвятыя Богородицы; носится на груди на бантѣ, изъ лентъ фіолетоваго съ бѣлой каймой цвѣта, на подобіе Маріинскаго знака отличія. На полученіе знаковъ выдаются особые дипломы. Ежегодный взносъ для членовъ благотворителей 25 руб. (можно частями), причемъ внесшіе единовременно 200 р. получаютъ золотой знакъ, 100 р. — серебряный, 50 р. — бронзовый-посеребренный. Членки-соревнователи получаютъ всѣ эти награды и знаки по мѣрѣ выясняющихся ихъ трудовъ на пользу Общества. Отмѣнно жертвующіе или потрудившіеся члены представляются особо къ Высочайшимъ наградамъ.

За болѣе подробными справками можно обращаться въ Императорское Человѣколюбивое Общество, С.-Петербургъ, Фурштатская, 3. **А. Винogradовъ.**

Къ народнымъ преданіямъ о таинственныхъ личностяхъ.

Въ концѣ прошлаго года въ „Р. Паломникъ“ была напечатана статья, обобщившая нѣсколько народныхъ легендъ о старцѣ Теодорѣ Кузьмичѣ.

Этотъ старецъ, спасавшійся въ Сибири, какъ предполагаютъ легенды, былъ не кто иной, какъ Императоръ Александръ Первый. Смерть его въ Таганрогѣ не была, будто бы, истинной, а вмѣсто него въ гробъ былъ положенъ похожій на него солдатъ, дѣйствительно умершій Государь же, въ желаніи подвига, сталъ безвѣстнымъ странникомъ, удалился въ Сибирь и здѣсь спавался.

Но и помимо простого народа, этот рассказ не мог не привлечь особого внимания даже людей образованных, интересующихся русской историей. Достаточно сказать, что къ признанію этой легенды за дѣйствительность склонялся такой серьезный изслѣдователь и знатокъ эпохи Александра I, какъ покойный историкъ его царствования Николай Карповичъ Шильдеръ. Въ его жизни даже былъ необыкновенный случай, связанный съ именемъ Θεодора Кузьмича.

Генералъ Шильдеръ страдалъ головными болями. Какъ-то разъ во время припадка этой боли онъ, думая о Θεодорѣ Кузьмичѣ, сказалъ себѣ: „Если Θεодоръ Кузьмичъ былъ, дѣйствительно, Александръ I, то пусть у меня пройдетъ боль“.

Боль немедленно прошла, и, что необыкновеннѣе всего, никогда уже къ нему не возвращалась.

Въ самомъ характерѣ Александра I-го было много чертъ, которыя вполне поясняютъ возможность такого предположенія.

Съ ранняго возраста Александръ отличался недовольствомъ своего положенія и стремленіемъ уйти изъ той обстановки, въ какую его поставила судьба, и удалиться въ частную жизнь. Такъ, онъ еще юношей мечталъ о томъ, чтобы зажить честнымъ человекомъ въ Швейцаріи.

Чѣмъ дальше шли годы, чѣмъ тяжелѣе становился для него тотъ царскій вѣнецъ, котораго онъ такъ мало желалъ, чѣмъ большая горечь вслѣдствіе постоянныхъ обмановъ (въ чемъ вѣчная участь почти всѣхъ вознесенныхъ судьбою лицъ), глубокаго разочарованія въ людяхъ, разочарованія въ себѣ, вслѣдствіе невозможности устроить въ Россіи тотъ золотой вѣкъ, о которомъ онъ мечталъ со своими друзьями на зарѣ своего царствованія,—тѣмъ сильнѣе и сосредоточеннѣе могло становиться въ немъ это давнее желаніе—бѣжать отъ престола въ уединеніе.

А тотъ глубоко-мистическій образъ мыслей, который къ концу его царствованія укоренился въ немъ, долженъ былъ внушить ему тотъ особый образъ уединенія, каковымъ явился уходъ въ Сибирь.

Изъ государей Петербургскаго періода нашей исторіи ни одинъ не занимался такъ много религіозными вопросами, не проникалъ такъ глубоко въ область духовной жизни, не искалъ такъ жадно знакомства съ духовными лицами, разными благочестивыми монахами и старцами, какъ именно Александръ I.

Мало кому извѣстное преданіе, сверхъ того, утверждаетъ, что мысль о томъ образѣ уничтоженія, который принялъ на себя Александръ I, скрывавшійся подъ видомъ Θεодора Кузьмича, была вложена въ Александра великимъ старцемъ Серафимомъ Саровскимъ во время ихъ тайнаго свиданія.

Преданіе это рассказано мнѣ покойнымъ В. П. Гедеоновымъ, обладавшимъ многими малораспространенными свѣдѣніями. Самъ же онъ слышалъ это преданіе отъ офицера-моряка Д., который впоследствии принялъ

монашество *) и который въ свою очередь узналъ объ этомъ въ Саровѣ отъ престарѣлаго шюка, бывшаго очевидцемъ этого событія и умершаго вскорѣ послѣ того, какъ передалъ о немъ Д. Вотъ, какъ рассказывалъ монахъ объ этомъ происшествіи.

Въ 1825 году, или въ одинъ изъ ближайшихъ къ этому годовъ, старецъ Серафимъ однажды обнаружилъ будто бы какое-то безпокойство, замѣченное монахомъ, рассказывавшимъ объ этомъ впоследствии моряку Д. Онъ, точно ожидалъ какого-то гостя, прибралъ свою келью, собственноручно подмелъ ее вѣникомъ. Дѣйствительно, подъ вечеръ въ Саровскую пустынь приискалъ на тройкѣ военный и прошегъ въ келью отца Серафима. Кто былъ этотъ военный, никому не было извѣстно; никакихъ предварительныхъ предупрежденій о пріѣздѣ незнакомца сдѣлано не было.

Между тѣмъ великій старецъ поспѣшилъ навстрѣчу гостя на крыльцо, поклонился ему въ ноги и привѣтствовалъ его словами: „Здравствуй, великій государь!“ Затѣмъ, взявъ пріѣзжаго за руку, отецъ Серафимъ повелъ его въ свою келью, гдѣ заперся съ нимъ. Они пробыли тамъ вдвоемъ въ уединенной бесѣдѣ часа 2—3.

Когда они вмѣстѣ вышли изъ кельи и почитель отошелъ уже отъ крыльца, старецъ сказалъ ему вслѣдъ: — Сдѣлай же, государь, такъ, какъ я тебѣ говорю...

Такова легенда.

Можно думать, что та душевная тягота, которую государь испытывалъ, взойдя, послѣ 1812 года, на вершину человѣческой славы, но не найдя въ этой земной славѣ душевнаго удовлетворенія; тѣ разочарованія въ государственныхъ системахъ, въ людяхъ, въ эти страданія и разочарованія усталаго его сердца, отъ которыхъ Александръ искалъ духовнаго лекарства,—привели его въ Саровъ, гдѣ отецъ Серафимъ вложилъ въ него мысль о томъ, чтобы подвигомъ земного уничтоженія утолить жажду его равнявшейся къ Богу и томившейся въ міру души.

Добавляютъ еще, что пріѣхалъ Александръ I въ Саровъ изъ Нижняго и что, будто бы дѣйствительно, императоръ разъ изъ Нижняго исчезъ на 1—2 сутокъ неизвѣстно куда!

На возраженія, что государю незачѣмъ было тайно ѣхать въ Саровъ и что его исчезновеніе на цѣлыя сутки или болѣе изъ Нижняго не могло остаться незамѣченнымъ, можно отвѣтить, что событіе этого тайнаго посѣщенія вполне соответствовало характеру Александра. Государь не только-де любилъ таинственность, но и былъ пріученъ къ ней обстоятельствами своей молодости.

Извѣстно далѣе, какъ любилъ Александръ бесѣды со знаменитыми „старцами“. Дошелъ до насъ его интересный разговоръ съ извѣстнымъ по благочестію на-

*) Нынѣ архимандритъ настоятель одного изъ русскихъ монастырей.

мѣстникомъ Кіево-Печерской лавры Антоніемъ (скончался въ санѣ архіепископа Воронежскаго); въ Кіевѣ ночью онъ посѣтилъ слѣпотаго старца прозорливаго Васиана, который сразу назвалъ его по имени: предъ послѣднимъ отъѣздомъ изъ Петербурга онъ посѣтилъ схимника, жившаго въ Александро-Невской лаврѣ. Это послѣднее посѣщеніе произвело такое впечатлѣніе на современное общество, что есть старинныя гравюры, воспроизводящія это посѣщеніе. Нечего уже говорить о сношеніяхъ съ Фотіемъ, котораго государь видалъ тайно.

Весьма, поэтому, понятно, что государь могъ сильно желать свиданія и бесѣды съ Серафимомъ.

Отецъ Серафимъ жилъ въ отдаленнѣйшей, глухой пустыни. Какъ же могъ государь услышать о немъ?

Государь могъ слышать о немъ отъ другихъ. Въ числѣ лицъ, упоминаемыхъ въ жизнеописаніяхъ отца Серафима, какъ его посѣтителей, находимъ довольно именъ русской знати, нѣкоторые изъ которыхъ сами были на виду, другіе же, живя въ помѣстьяхъ, могли, тѣмъ не менѣе, имѣть связи друзей и родныхъ при Дворѣ. Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ отношенія къ Сарову и Дивѣеву, Геденовъ упомянулъ представителей родовъ князей Голлицыныхъ, Ладыженскихъ, Татищевыхъ, Корсаковыхъ, Извольскихъ, Снягининыхъ, Колычевыхъ, Чемодановыхъ, Муравьевыхъ, Ерошкиныхъ, князей Енгальчевыхъ, Михайловскихъ-Данилевскихъ, кн. Грузинскихъ и др.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ государя въ его частыхъ по Россіи путешествіяхъ, при крайне ограниченной свитѣ, сопровождалъ, вмѣстѣ съ генераль-адъютантомъ княземъ Волконскимъ, флигель-адъютантъ Михайловскій-Данилевскій, часто имѣвшій случай бесѣдовать съ государемъ и не могшій не знать о Саровѣ, такъ какъ неподалеку, въ Пензенской губ., лежали помѣстья его жены и въ Саровѣ жили его родные (Чемодановы), а впоследствии и дѣти Данилевскаго.

Наконецъ, у отца Серафима былъ разъ великій князь Михайлъ Павловичъ, правда, уже по кончинѣ своего старшаго брата, именно въ 1826 году—тоже совпаденіе, небезынтересное.

Что отецъ Серафимъ по прозорливости своей зналъ заранее о приѣздѣ государя, если только государь приходилъ къ нему, и что онъ сразу назвалъ его это, конечно, наименѣе возбуждаетъ сомнѣніе.

Отецъ Серафимъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ прозорливости. Онъ очень часто называлъ по имени лицъ, которыя въ первый разъ его видѣли; исповѣдая, вслухъ говорилъ человѣку все его грѣхи съ дѣтства, видѣлъ чужое будущее, такъ же ясно, какъ свое прошлое, написалъ поздравленіе Воронежскому архіепископу Антонію съ открытіемъ мощей св. Митрифава, когда объ этомъ ничего не было извѣстно.

Е. Поселянинъ.

(Изъ жизни студента).

Осажденная обитель.

ОСЛѢТЪ долгой зимы наступила благодатная весна тяжелаго 1608 года, но ясныя весенніе деньки не принесли осажденной ляхами и казаками Троице-Сергіевой лаврѣ желаннаго облегченія. Даже стало какъ будто еще хуже: зимній морозъ, сковавшій землю, попрдержалъ вмѣстѣ съ тѣмъ подъ своимъ ледянымъ покровомъ и болѣзнь, неизбежная тамъ, гдѣ долгое время скучивалась масса людей. Скрылся морозъ, настало тепло, исчезъ сибирскій саванъ, растаяли ледяныя покровы—и среди осажденныхъ начала свирѣпствовать цынга, горячки, костная ломота. Защитники осажденнаго монастыря страдали невыносимо, но уныніе еще не овладѣло сердцами героевъ, духъ ихъ былъ еще бодръ, хотя нѣтъ-нѣтъ да и проскальзывало въ нѣкоторыхъ изъ воиновъ смутное колебаніе...

Въ одно раннее майское утро на монастырской стѣнѣ стоялъ молодой воинъ, и около него, на грудѣ сваленныхъ вражескими выстрѣлами камней, сидѣлъ старичокъ-иннокъ, то и дѣло съ тревогой поглядывавшій на война, задумчиво вперившаго свои взоры въ растлывающую передъ нимъ даль.

— Просторъ-то какой, приволье-то какое!—тихо и съ замѣтной тоской шепталъ воинъ, — а тишина-то, тишина: ни звука! Будто миръ кругомъ и благодать Господня, а что кроется въ той тишинѣ, чья смерть, чьи муки, побѣда или одолженіе, никто того не знаетъ...

— Не правильно говоришь ты, братъ Никита,—воспѣшилъ возразить иннокъ, внимательно прислушавшійся къ шопоту своего молодого война,—какъ это такъ, никто не знаетъ...

— Да такъ... Кто же?

— А Богъ-то?

— Развѣ что Богъ одинъ...

— То-то и оно.. Богъ-то, братъ Никита, все знаетъ, все видитъ, все можетъ. Это намъ, людямъ, всевѣднѣя и проникновенія не дано. И лучше такъ-то! Жить бы не зачѣмъ было, ежели бы каждый человѣкъ свою судьбу зналъ... Вотъ ты теперь тоскуешь и мечешься, жаждешь на просторъ и приволье вырваться, въ чистомъ полѣ съ врагами помѣряться, а почему ты знаешь, что тебя тамъ-то ждетъ... Може, куда хуже тамъ, на просторѣ-то, чѣмъ вотъ здѣсь. Слушай-ка ты меня, я на Божьемъ свѣтѣ достаточно пожилъ, всякое видѣлъ—и хорошее, и дурное,—при грозномъ царѣ въ опричникахъ состоялъ: то ли не раздольное житье было! То ли не пиры да веселости повседневыя! Думалъ ли я тогда, что покой да утѣшеніе подъ клобукомъ однимъ обрѣту... Скажи мнѣ кто тогда, что я въ обитель спасаться уйду, смѣхомъ на такія слова отвѣтилъ бы, и вотъ самъ видишь... Безъ малаго два десятка лѣтъ въ домѣ святого Сергія Радонежскаго спасался.

— Такъ, вѣдь, отче,—прервалъ Никита инока,—ты-то одинъ человекъ, а тутъ вотъ цѣлое великое царство шатается. Этакая вездѣ сумятица и неразбериха идетъ... Брать на брата вышель, враги лютые повсюду бродятъ, вѣра православная въ поруганіи... То ли Богу нужно? Или Господь прочь отступился отъ земли русской?

— Не говори такъ, братъ Никита,—замахалъ обѣими руками на война инокъ,—не думай такъ... Какъ это можетъ Господь многомилостивый отъ земли русской отступиться? Испытаніе тяжелое посылаетъ Онъ, чтобы гордыню нашу смирить, а вовсе не отступается...

— Какое тамъ не отступается, когда Сапѣга то-и-дѣло верхъ беретъ надъ нами... У него, отродья ляхскаго, что ни день, то все новья да новья силы прибавляются, а у насъ и остатнія отъ заразы, какъ мухосеенью, мрутъ... Слышь, отче, былъ я по ратному дѣлу у игумена, такъ онъ тамъ счетъ сводилъ: за осаду однихъ иноковъ безъ самаго малаго восемь сотенъ перемерло, да служившихъ ратныхъ людей поболѣе двухъ тысячей... Тутъ-то что мнѣ скажешь?

— А ты, братъ Никита, скажи,—торжественно и вдохновенно заговорилъ въ отвѣтъ инокъ,—что въ томъ, въ чемъ ты видишь Божіе оставленіе и врагу поущеніе? Я, старъ человекъ, ниспосылаемое свыше нашей святой обители прославленіе отъ Бога и преп. Сергія вижу...

— Какъ такъ?—удивленно посмотрѣлъ на старца Никита.

— Такъ, братъ мой! Силы вражескія все растутъ, а наши все умалются... Однако мы держимся и всѣ приступы отбиваемъ; стало, не враги надъ нами, а мы надъ врагомъ одолѣніе имѣемъ. Они, ляхи да казаки, на насъ лѣзутъ и насъ взять никакъ не могутъ: стало, они отъ насъ пораженія терпятъ, а не мы отъ нихъ. Почему это?.. Перстъ Господень въ семь виденъ... Силы небесныя намъ незримо споспѣшествуютъ, преподобный Сергій домъ свой оберегаетъ, о немъ неустанно предстательствуетъ. Вотъ что я, братъ мой, вижу; подумай ты, и ты тоже увидишь.

— А что, отче,—раздумчиво проговорилъ Никита,—если такъ поразсудить, такъ, пожалуй, по твоему выйдеть...

— Что по моему! Не по моему, а по Божьему... А еще тебѣ напомню, не проявилось ли Господнее

проявленіе, когда въ намъ въ обитель нашу Нѣмко изъ Сапѣгина стана перебѣжалъ... Вѣдь, на что бы онъ, кажется, намъ былъ: отъ роду и глухой, и нѣмой... Много тогда на игумена корились, что ляхскій ротъ въ обитель посадить... А когда прибѣгъ предатель Мартіанъ-ляхъ да уличилъ его Нѣмко, всѣ враги устыдились... Вотъ тебѣ воочію милость Божія къ нашей обители проявилась...

Инокъ хотѣлъ еще что-то сказать, но въ это время изъ вражескаго стана донеслись трубные звуки, громъ литавръ, крики множества голосовъ.

Г. П. Твѣршкінъ,
извѣстный якутъ-благотворитель. (Къ стр. 126).

— Отче, слышишь? — воскликнулъ Никита, весь выпрямляясь.

— Слышу, и да благословить Господь защитниковъ нашей обители побѣдою...

Звукъ трубъ и шумъ, доносившіеся изъ Сапѣгина лагеря, въ одно мгновеніе оживили всю обитель. На стѣнахъ откуда-то взялись вооруженные люди: дружинники, „боярскія дѣти“, казаки, которыхъ было не мало въ лаврѣ, иноки, послушники. Всѣмъ имъ хорошо было извѣстно, что означаетъ этотъ шумъ. Хвастливый Сапѣга всегда поднималъ его, когда готовилъ свои скопища къ штурму обитавшей въ крѣпости мирной обители. Это бывало уже не разъ, и прошло очень не мало времени, а лавра была уже повсюду готова къ отраженію вражескаго штурма. Пушкарі, раздувая фитили, стояли у своихъ орудій, клубы

пара поднимались отъ котловъ съ кипяткомъ и смолою; около груди ранѣе приготовленныхъ камней безстрашно заняли мѣста старцы, женщины и дѣти, готовясь сбрасывать ихъ на головы штурмующихъ. На помостахъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ у стѣнъ, иноки, оставившіе свои кельи, уже начали совершать молебствія, частые удары въ била возвѣщали, что въ соборѣ и церквахъ обители начались богослуженія.

— Господи, Господи!—восклицалъ про себя Никита,—настави меня неразумнаго, не дай врагу и пшнѣ одолѣнія, какъ и прежде не посылалъ Ты ему побѣды... Дай мнѣ моими ослѣпленными нишѣ духовными очами увидѣть славу Твою, я же обещаюсь, ежели отстоитъ обитель сія, посвятить жизнь свою на служеніе Тебѣ.

Штурмъ былъ самый отчаянный изъ всѣхъ, какіе только приходилось выдерживать обители за все время осады, но Сапѣга и на этотъ разъ долженъ былъ отступить ни съ чѣмъ... Это былъ послѣдній штурмъ.

Черезъ три дня послѣ него всѣ защитники лавры уже собрались на благодарственный молебенъ по случаю избавленія отъ лютаго врага.

Никита, храбро сражавшійся на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, плакалъ отъ умиленія во время молебна.

Какъ только Русь православная пережила тяжелое лихолѣтье, онъ исполнялъ свой обѣтъ и принималъ постригъ въ обители, которую онъ защищалъ своею грудью отъ дерзкихъ враговъ, явившихся съ смутою въ предѣлы нашей многостраданной родины...

Н. Кононовъ.

Вѣсти и замѣтки

◆ Однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ въ жизни сельского духовенства является вопросъ объ обезпеченіи содержаніемъ. Противники назначенія жалованья духовенству указываютъ на то, будто нынѣшняя система обезпеченія духовенства болѣе соответствуетъ характеру пастырскаго служенія и содѣяствуетъ упроченію тѣсной связи пастыря съ паствою, а обезпеченіе духовенства жалованьемъ превратило бы священниковъ въ «чиновниковъ» и «поставило бы въ далекія отношенія съ народомъ». И вотъ, съ достойнымъ опроверженіемъ такого взгляда выступаетъ вѣжко «Недуховный» въ Перм. Епарх. Вѣд. (№ 40).

«Если бы,—говоритъ онъ,—обезпеченіе духовенства жалованьемъ служило причиной разединенія между духовенствомъ и прихожанами, то непонятно было бы, почему же не прерываются нравственныя связи между архипастыремъ, получающимъ жалованье, и его паствою, между миссіонеромъ, живущимъ на жалованьи, и людьми, на которыхъ простирается его дѣятельность. Или почему у протестантскихъ пасторовъ и магометанскихъ муллъ, тоже получающихъ определенное содержаніе, не прерываются связи съ паствою, а устанавливаются инаудачнѣе отношенія? Совершенно непонятно, почему у одного только православнаго духовенства должна прекратиться тѣсная связь съ народомъ, если оно не будетъ ходить за сборомъ по домамъ и нищенски протягивать руку за денежной подачкой, а будетъ получать жалованье. Не думаемъ, чтобы пастырское дѣло стало хуже, если пастырь послѣ совершенія таинства не будетъ протягивать свою руку за подаваемымъ. Всякое денежное даваніе послѣ совершенія той или другой требы не походить ли на ту плату, которую получаетъ, наиримѣрь, ремесленникъ за доставленную имъ работу? Совершивъ трубу, какъ мастеръ сдѣлать столъ, получивъ деньги и уходивъ. Обезпеченіе духовенства определеннымъ жалованьемъ возвысило бы его въ глазахъ прихожанъ и дало бы ему возможность настойчивѣе требовать отъ своей паствы исполненія христіанскихъ обязанностей».

Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться. И вотъ почему. Всякій общественный вопросъ можно рѣшать съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) идеальной и 2) практической. Съ идеальной—даже странно говорить о жалованьѣ, такъ какъ идея пастырства предполагаетъ, что священникъ принимаетъ на себя бремя своего служенія исключительно ради „служенія Христу и стремленія Танихъ Божіихъ“ (1 Кор. IV. 1) для спасенія паствы. Странно было бы, наиримѣрь, рѣшать вопросъ: слѣдовало ли... апостолу Павлу или Игнатію Богоносцу назначать „жалованье“, если не отъ „казны“, то отъ „общества“? И если бы составъ пастырей опредѣлялся именно такими „идеальными“ пастырями, а также—если бы тѣ лица, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса о жалованьѣ, сами были идеальными служителями Христовой правды,—въ такомъ случаѣ о жалованьѣ не могло бы быть и рѣчи. Но такіе идеалы уже... только въ мечтахъ. Суровая жизнь предъявляетъ свои права. Священникъ связанъ семьей. Люди, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса о жалованьѣ (свѣтская власть и высшая духовная), сами живутъ въ безумной роскоши и богатствѣ, забывши о всѣхъ идеалахъ, а духовенству приходилому—бѣд-

ному и загнанному—говорить объ... идеалѣ! Припомните крыловская басня, въ которой лиса, угощая волка, говоритъ ему: „Голубчикъ, не хочешь ли сѣнца?“

Совершенно иначе этотъ вопросъ рѣшился бы только въ томъ случаѣ, если бы священники были выборные, изъ среды самихъ же прихожанъ и по своимъ житейскимъ привычкамъ и вкусамъ ничѣмъ не отличались отъ своихъ же односельчанъ. Но это, если и возможно, то во всякомъ случаѣ—дѣло будущаго. Для этого нужно широкое развитіе просвѣщенія съ полнымъ переустройствомъ церковно-учебнаго дѣла. А при современныхъ условіяхъ священства жалованье для духовенства является дѣломъ вопіющей нужды. Лучше ужъ добросовѣстное „чиновничество“, чѣмъ нищенство и вымогательство.

◆ Св. Синодъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы къ 1-му марта епархіальныя и духовныя училища представили проектъ тѣхъ измѣненій въ учебныхъ программахъ, о которыхъ хлопотали сѣзды епархіальнаго духовенства. Программы будутъ разработаны въ училищахъ педагогическими совѣтами, безъ участія родителей.

◆ Съ 3-го января 1906 года въ старыя зданія одесской духовной семинаріи открыта кружкомъ дамъ духовнаго званія столовая для бѣдныхъ и голодающихъ. Примѣръ едва ли не единственный въ своемъ родѣ: раньше печать не сообщала о такомъ случаѣ... Можно только радоваться и желать появленія новыхъ примѣровъ благотворительности въ этой области.

◆ Для оказанія помощи вѣжкимъ чинамъ запаса и добровольцамъ, возвращающимся изъ маньчжурскихъ армій, въ Петербургѣ учрежденъ особый комитетъ, подъ предѣлательствомъ князя Евгальчева (Сергѣевская ул. 17, Императорская главная квартира). Комитету разрѣшено открыть сборъ пожертвованій.

◆ Комиссія, образованная при Св. Синодѣ для разсмотрѣнія вопроса о времени созыва собора русской православной церкви и о предметахъ, подлежащихъ вѣдѣнію этого собора, начинаетъ свои сѣданія въ концѣ февраля мѣсяца.

◆ Просвѣщенный туркестанскій Паяей, согласно прошенію, по преклонности лѣтъ, уволенъ отъ управленія епархіей на покой; на его мѣсто назначенъ викарій подольской епархіи, просвѣщенный батскій Димитрій.

◆ Скончался православный антиохійскій патриархъ Мелетій.

◆ Въ «Полярной Звѣздѣ» свещ. К. Агеевъ напечаталъ статью въ которой говоритъ:

„Авгъ есмь Господь твой... Не сотвори себѣ кумира“—такъ завѣщала Богъ древнимъ евреямъ. Нѣсколько тысячелѣтій прошло съ того момента, когда раздались эти слова во услышаніе всего человечества у подножья Синайской горы—и сколько кумировъ и „идоловъ“ царствъ въ нашей жизни! Однимъ изъ такихъ кумировъ служатъ привидѣнія религиозной связи самодержавія, православія и народности. Говоритъ: *что православие—истинная форма христіанства—неразрывно съ самодержавіемъ, формой государственнаго быта,—значитъ ли болѣе, ни менѣе, какъ продавать Христа за тридцать сребренниковъ“*

Въ заключеніе авторъ говоритъ: „Да придутъ же громы небесные, свидѣтели Синайскаго законодательства, на тѣхъ, кто сознательно свѣтъ своему проповѣдью государственной Церкви навзрухій видъ атеизма!“

◆ Министертво народнаго просвѣщенія рѣшило предоставить на усмотрѣніе самихъ университетовъ возбужденіе ходатайствъ объ открытіи при нихъ православныхъ богословскихъ факультетовъ.

◆ По поводу митинговъ московскихъ псаломщиковъ митрополитъ Владиміръ предписалъ московскому духовенству вновь произвести строгія дознанія и отобрать отъ всѣхъ псаломщиковъ письменныя показанія. Цѣль этого дознанія выяснить, кто именно изъ псаломщиковъ собиралъ деньги въ пользу пострадавшихъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ.

◆ Епархіальная печать все болѣе и болѣе настойчиво выдвигаетъ вопросъ о необходимости для пастыря изучать современную свѣтскую литературу, на которую и духовенство на пастырьскихъ собраніяхъ и сѣздахъ справедливо указываетъ, какъ на средство для изученія духовныхъ стремленій современнаго общества, какъ своего рода «мостъ», по которому пастырь можетъ подойти къ пониманію общественныхъ идеаловъ съ цѣлью наиболее вѣрнаго и плодотворнаго вліянія на душу насомымъ.

◆ Поятся слухи объ образованіи еще новата министерства—исповѣданій. Въ этомъ министерствѣ предполагается сосредоточить всѣ

исполнения как правительное, так и исполнительное. Въ составъ этого министерства думаютъ ввести учрежденія Синода и департаменты духовныхъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Проектъ создания этого министерства еще вопросъ нерѣшенный, въ виду трудности предоставить каждой религiи полноправное представительство въ центральномъ управленiи.

Многочисленность бюрократическихъ учреждений, какъ извѣстно, не принесла Россiи особенной пользы. Ожидать ли этой пользы отъ новаго чиновничьяго учрежденiя тамъ, гдѣ идетъ дѣло о высшемъ органѣ—созданiи въ душахъ людей царства Божiя?

◆ Предсѣдателемъ совѣта министровъ графомъ Витте разослана начальникамъ губерній Европейской Россiи слѣдующая телеграмма:

Прому принять всѣ завѣщанiя отъ всѣхъ рѣшительныхъ мѣръ къ скорѣйшему составленiю и оглашенiю избирательныхъ списковъ. По полученiи изъ вѣдомствъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнiй о времени оглашенiя списковъ бюджетъ назначаетъ срокъ созыва губернскихъ избирательныхъ собранiй. Въ зависимо- сти отъ этого срока расположатся сроки выборовъ какъ на сѣздахъ, такъ и въ волостяхъ.

◆ Въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя, по словамъ газетъ, выработанъ планъ школьнаго дѣла. Главное вниманiе министерство обратило на улучшенiе положенiя низшей школы, значенiе которой въ смыслѣ поднятiя уровня образованiя народа весьма высоко. Съ этой цѣлью министерство, во-первыхъ, предполагаетъ предоставить широкую возможность по открытiю школъ земскимъ, городскимъ, сельскимъ и др. учрежденiямъ, во-вторыхъ, обезпечить за счетъ государства жалованье преподавательскому составу школъ и, въ-третьихъ, прече расходы по открытiю школъ (постройка зданiй, отопленiе и т. д.) возложить на мѣстныхъ общественныхъ учрежденiя.

◆ Недавно телеграфъ принесъ извѣстiе, что всѣ маленькiе моряки постановили принять дѣятельное участiе въ призрѣнiи семействъ вѣншихъ чиновъ, погибшихъ во время русско-японской войны. Давно пора!

◆ Какъ сообщаютъ газеты, день выборовъ въ Государственную Думу повсемѣстно въ Россiи будетъ назначенъ на 25 марта с. г., а первое засѣданiе Государственной Думы состоится 15 апрѣля.

Къ портрету.

Г. П. Терешкинъ.

Отзывчивостью своего сердца на все доброе и полезное, любовью ко всему возвышенному и святому и щедрой благотворительностью инородецъ Сунтарскаго улуса, Вилюйскаго округа, Якутской области, Георгiй Петровичъ Терешкинъ стяжалъ себѣ славу не только въ своемъ округѣ, гдѣ знаютъ имя его даже дѣти, но и во всей Якутской области.

Сынъ незнатныхъ бѣдныхъ родителей-якутовъ, онъ съ малолѣтства росъ и воспитывался въ постоянномъ трудѣ и ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ. Но, придя въ возрастъ и обладавъ предпримчивостью характера, онъ скоро достигъ матеріальнаго достатка. Онъ имѣлъ выгодные заработки на Ленскихъ пріискахъ, затѣмъ долгое время находился въ услуженiи на торговыхъ предприятияхъ крупныхъ пріисковыхъ купцовъ и получалъ отъ нихъ кредиты въ торгово-промышленномъ дѣлѣ. Когда ему было 35 лѣтъ отъ роду, онъ уже считался въ своемъ улусѣ виднымъ домохозяиномъ, а десять лѣтъ спустя послѣ этого онъ имѣлъ громадный избытокъ матеріальныхъ средствъ. Съ этого времени Г. П. Терешкинъ началъ проявлять цѣлый рядъ своей благотворительной дѣятельности.

Съ 1883 по 1889 г. состоялъ блюстителемъ Мархинской народной школы, онъ пожертвовалъ въ пользу ея 1000 руб. Съ 1887 по 1891 г., состоя церковнымъ старостой Батамойской церкви, пожертвовалъ на эту церковь 100 руб. Съ 1889 по 1895 г., состоялъ блюстителемъ Сунтарской народной школы, пожертвовалъ въ пользу ея 1000 руб. Съ 1891 г. по настоящее время, состоя почетнымъ членомъ Епархіальнаго Женскаго Училища, пожертвовалъ всего

4000 руб. Въ 1890 г. на собственные средства построилъ церковь на урочищѣ «Шея» въ Бутулайскомъ наслѣдѣ Сунтарскаго улуса, стоимостью въ 15,732 руб. Въ томъ же году построилъ на свои средства дома съ службами для причта Шенниской Георгіевской церкви, стоимостью въ 3000 руб. Въ 1887 г. расчистилъ на свои средства дорогу отъ с. Сунтара до Жедайскаго селенiя Олекминскаго округа, съ устройствомъ гатей и мостовъ на протяженiи 400 верстъ, стоимостью въ 3000 руб. Въ 1892 г. пожертвовалъ въ пользу Вилюйскаго выселка прокаженныхъ 100 руб. Въ томъ же году пожертвовалъ домъ подъ помѣщенiе Шенниской цер.-пр. школы, оцѣненный въ 1000 руб. Съ 1894 г. по настоящее время, состоя блюстителемъ Шенниской цер.-пр. школы, пожертвовалъ въ пользу ея 1150 руб. Въ 1895 г. на постройку Верхне-Вилюйской церкви пожертвовалъ 100 руб. Въ 1896 г. въ пользу Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества пожертвовалъ 500 руб. Въ 1899 г. въ пользу инородцевъ Сунтарскаго улуса, пострадавшихъ отъ неурожаа хлѣба и травъ, пожертвовалъ 100 пуд. хлѣба, на сумму 200 руб. Въ 1900 г. на постройку новаго зданiя Сунтарской Инородной Управы, на мѣстности «Кюсютъ», пожертвовалъ 300 руб. Въ томъ же году пожертвовалъ въ пользу Иркутскаго Отдѣленiя Общества борьбы съ заразными болѣзнями 100 руб. Въ настоящемъ году онъ пожертвовалъ на устройство соборнаго храма въ г. Вилюйскѣ 5000 руб. Затѣмъ въ 10 церквей сельскихъ Вилюйскаго округа сдѣлалъ вклады, по 500 руб. въ каждую изъ нихъ, всего 5000 руб.

Кромѣ вышеупомянутыхъ пожертвованiй, Г. П. Терешкинъ много сдѣлалъ и продолжаетъ дѣлать добрыхъ дѣлъ, остающихся неизвѣстными въ подробностяхъ.

Въ своей жизни Г. П. Терешкинъ успѣшно исполнялъ и исполняетъ возлагаемыя на него служебныя обязанности. Такъ, въ своемъ наслѣдѣ онъ нѣсколько разъ былъ избранъ старостой, а въ улусѣ—головой. Въ построенной имъ церкви на урочищѣ «Шея» онъ состоялъ и состоитъ церковнымъ старостой, и служенiю его въ этой должности миновало уже пятое трехлѣтiе. За время служенiя его церковнымъ старостой Шенниская Георгіевская церковь приобрѣла, старанiемъ его и соучастiемъ въ трудахъ причта, вкладовъ отъ прихожанъ болѣе 1000 руб. Состояніе свѣчныхъ доходовъ—также болѣе 1000 руб. Кромѣ того, личныя пожертвованiя его въ пользу означенной церкви превышаютъ 800 руб.

Въ частной своей жизни Г. П. Терешкинъ ведетъ сравнительно культурный образъ. Предпринималъ нѣсколько путешествiй. Былъ во многихъ городахъ Россiи и въ 1900 г. ѣздилъ на выставку въ Парижъ. Въ 1891 г. былъ въ Иркутскѣ представителемъ отъ общества для выраженiя вѣрноподанническихъ чувствъ Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ Государю Императору Николаю Александровичу.

Г. П. Терешкинъ имѣетъ награды: двѣ медали серебряныя на Станиславской и Аннинской лентахъ для ношенiя на груди, три ордена—Св. Анны 2 и 3 ст. и Св. Станислава 3 ст., Палестинскій знакъ и нѣсколько жетоновъ.

Въ настоящее время Г. П. Терешкину 67 лѣтъ. Не смотря на постигавшія его на жизненномъ пути несчастья,—именно лишенiя супругъ (у него было три жены),—скорбно отражавшіяся на его натурѣ, онъ еще бодръ и здоровъ. Дѣтей у него не было и нѣтъ. Живетъ онъ въ настоящее время скромной одинокой жизнью. Дай Богъ еще много лѣтъ здравствовать Георгію Петровичу на пользу и радость окружающихъ его и на дальнѣйшее развитіе христіанской благотворительности.

Свящ. Гр. Поповъ.

№ 7 журнала «Русскій Паломникъ» сданъ на городскую почту 11 февраля. на ивогороднюю 13 февраля.

Издатель П. П. Сойкинъ. Редакторъ И. Д. Теодоровскій